

ЕГО ВОЗРАСТ от древнего далека весьма, но как-то умудрился уже выпустить сто девяносто две премьеры! Мы знаем его спектакли — на сцене и телеэкране, его «просто фильмы» и прославленные фильмы-балеты, наконец — его телепередачи, его пьесы, его книги... А еще ведь у него были и цирковые программы, и знаменитые театральные «капустники»... А скольким коллегам этот бесноватый, всегда переполненный самыми неожиданными идеями, этот эрудированный человек помог своими советами!..

Набрав хорошо знакомый номер, прошу о встрече «для газеты». Он: «Сегодня исключено, только что прилетел из Аргентины. Позвоните мне, пожалуйста, завтра, только — пораньше, часиков в восемь...».

— Так что же вы, Александр Аркадьевич, делали в далекой Аргентине?

— Практически ничего. Там, в Буэнос-Айресе, проходили «дни Санкт-Петербурга», и в кинотеатре «Сен-Мартен» показывали мои фильмы-балеты: «Галатею», «Старое танго», «Анюту», «Женитьбу Балзасиновой», «Чапелина», «Призвал кавалерий!»... Честно говоря, мне было не очень интересно, потому что люблю ездить и там работать. А без работы любая женщина скучна...

— Тем более что теперь здесь у вас большая дело — кинокомпания «Акорд-фильм»...

— Да, художественный руководитель. Недавно закончил свой уже тринадцатый по счету фильм-балет, «Последняя тарантелла», по горьковской «Нунце». Признаться, делал его с большим аппетитом. Кстати, впервые танец сочинил со словами: Басилашвили читает канцон Петrarки и сонеты Шекспира. Ну танцуют Ольга Ченчикова, Махар Вазиев и еще — дебютантка, Анна Плисецкая, племянница Майи Михайловны. Наша кинокомпания и дальше будет производить музыкальные фильмы, а сама в марте 1993-го начну снимать «Прощальный бенедикт» с Галиной Павловой Вишневской... Планы большие, но по театру все равно скучаю. Ведь человек-то я театральный...

— Почему же тогда ушли из Большого театра мучил?

— Потому что не терплю драг... По отношению к этому коллективу у меня была твердая позиция: очень хотел сделать синтетический театр — «Люди и куклы». Там великолепная труппа, и мы понимали друг друга. Но нашлись три-четыре человека, которые потянули в другую сторону, а «бороться» я не умею совершенно. И тогда ушел. Сам, меня к этому никто не принуждал. Теперь по ним тоскую. Очень тоскую...

— Жаль, что этот театр, первый свой театр, получили вы поздно...

— «Поздно»! Слишком мягко сказано. Только в шестьдесят — одновременно — получил и Государственную премию, и почетное звание, и пенсию, и театр...

— А я вас, признаться, давно, еще лет тридцать назад, представлял только главным режиссером, и почему-то в оперетте...

— Знаете, я тоже всю жизнь видел себя именно главным, и именно в оперетте. И актеры Театра музыкальной комедии тоже этого хотели, но, увы, городское начальство подобных чувств явно не разделяло. Так что — не судьба... А сейчас и поздно, да и петербургская «музыкальная комедия» столько уже лет бездомна. Хотя не скрою: если бы мне такое место предложили, если бы дали театру помещение — ради этого бросил бы все.

— Но, с другой стороны, можно ли в наше время легкомысленной опереттой потратить мир?

— Можно. Я человек старомодный и уверен, что этот жанр себя абсолютно не исчерпал. Сделал бы спектакли, с которыми не стыдно было бы обмахивать весь белый свет.

— Интересно, чем же ваш театр так уж отличался бы от других подобных?

— Тремя особенностями. Во-первых, высочайшим уровнем музыки. Я бы не ставил ту подцензурку и макулатуру, которой сейчас на опереточной сцене избыток. У меня бы на афише были Легар, Кальман, Гаврилин, Свиридов, Петров...

— Даже Дунаевский не попал бы?

— Дунаевский бы попал в первую очередь, если бы хоть одну его оперетту можно было бы осуществить на сцене: жуткие же либретто! Например, поставил сейчас «Вольный ветер» — это почти все равно, что «Поднятую цепь»... Во-вторых, мой театр отличался бы очень высоким уровнем хореографии: молодые талантливые хореографы у нас есть, а может, и самого Джерома Роббинса можно было бы пригласить — благо, мы знакомы... В-третьих, в это главное: у нас бы был высокий исполнительский уровень — тот уровень, который вообще всегда отличал русский музыкальный театр. Знаете, например, кто пел на премьере Сильву? Елизавета Ивановна Тиме. А знаменитым Калашом в «Прекрасной Елене» был Константин Алексеевич Варламов... Кстати говоря, такой театр вполне мог бы быть и с гастролями. Представьте, если бы роль комикса спел и сыграл, допустим, Николай Трофимов, а Перикоплы — Алиса Фрейндлих, а Сергей Лейферкус, который сейчас гастролирует по оперным сценам мира: он же потрясающий опереточный артист! Возможности огромные, но нужен организатор, нужны деньги (потому что затея «богатая» и нужно помещение. А что у нас творится с помещением? Я бы очень хотел встретиться с Анатолием Александровичем Собчаком, чтобы объяснить — популярно, с адресами — как можно возродить несколько петербургских театров...

— Знаю, что вам выпало счастье общаться с интересными людьми. Какие же встречи определили ваши вкусы, интересы?

— Перечислять можно без конца. Из режиссеров старшего поколения это Владимир Платонович Кожич, Павел Карлович Вейсберг и Николай Павлович Акимов. Ну и, конечно, Георгий Александрович Товстоногов, которого считал своим учителем, хотя «официально» никогда у него не учился... Из актеров самое большое влияние оказал на меня Аркадий Исаакович Райкин, с которым долгие годы мы не просто дружили, но и вместе работали: я осуществлял в его театре шесть спектаклей... А встреч с Николаем Константиновичем Симоновым... А мои близкие друзья, вместе с которыми

столько сделано — на сцене, на экране: Сергей Юрский, Наташа Тенякова, Алиса Фрейндлих, Владислав Стржельский, Олег Басилашвили, Паша Лупскаев, — этот список можно продолжать и продолжать... Из последних потрясших меня актерских встреч — Юлия Константиновна Борисова (я у нее, в Вахтанговском, поставил «Станция воды»). В писательском мире особенно добрые отношения были с Верой Федоровной Пановой и Валентином Петровичем Катаевым (который даже по собственному желанию стал редактором моей книги). Ну а Александр Моисеевич Володин — друг, близкий которого у меня просто нету... Из композиторов, конечно, — Шостакович: когда-то поставил его балет «Барышня и хулиган». Затем — Георгий Васильевич Свиридов, с которым

"НАПОЛНИ СМЫСЛОМ КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ..."

«Мне кажется, что кино потеряло свою счастливую возможность — с помощью зрительного ряда раскрывать сюжет. Решил попробовать: хватит ли у меня фантазии все объяснить без помощи слов», — рассказывает гость «Смены» — художественный руководитель кинокомпании «Акорд-фильм» Александр БЕЛИНСКИЙ

дружбу очень давно и мечтаю поставить его оперетту, единственный клavier — у меня...

— Оперетта у Свиридова? Впервые слышу...

— И никто этого не знает. Написана больше сорока лет назад, называется: «Девушка из провинции»... И еще есть музыкант, без которого просто не умею работать, — Валерий Гаврилин... А дальше идут уже чисто балетные друзья: тут и Уланова, и Максимова, и Васильева, и Колпакова, и Зубковская...

— И-да, вам позавидовать! Но ведь и на родственничков повелось: Миронова, Менакер...

— Александр Семенович — двоюродный брат моей мамы. Так что и Кирилл Ласкин, и Андрей Миронов — я просто-напросто встречал у родных дома... С Андреем духовно близки были мы очень, и «бешеные деньги» в Театре сатиры брат поставил по моему совету. У него была идеальная чувствительность, и он надо мной, например, здорово смеялся по поводу того, что не умею модно одеваться, что всегда, когда ем, пачкаю костюм. Снять его успел, увы, только в «Льве Гурчине Синичкине» да в «Летучей мыши». Как Андрюша любил наш Петербург...

— А вы? Могли бы променять его на, скажем, на Париж?

— Что был Петербург люблю просто неформально. И даже в Париже, о котором вы спрашиваете (был там шесть раз), обычно уже на девятый день от тоски по родному городу лезу на стену. Пройдите вдоль Невы, от Трицкого моста до Дворцового, оглянитесь вокруг: с этим же никакая Сен-Савантис не может! Но разрывается сердце от того, что сделали с нашим городом, от всей этой грязи, от скопища торгашей и шпаны на Невском... И все меньше остается людей, подобных Дмитрию Сергеевичу Лихачеву... Все мои предки лежат в Царском Селе, на Казанском кладбище. Отец, дядя, тетя — все кончили царское реальное училище. Там было правило: каждый год учащиеся восьмого класса играют «Визирора». И сохранилась фотография, на которой в роли Горюхиного — Аркадий Александрович мой отец, а в роли Хлестакова — Сергей Федорович Газунов, отец будущего художника...

— Любительский фанат! Кстати, как вы относитесь к творчеству Ильи Савицкого?

— Никто. Мало знаком с его искусством...

— Так вот, продолжая наш разговор, Петербург — это моя болезнь. И очень много в его нынешней судьбе тревожит. Ну, например: почему во всех самых главных учреждениях культуры столь правильно расположились бывшие парткомы? Причем парткомы в основном именно худшего толка, которые, по моему убеждению, к возрождению петербургской культуры абсолютно равнодушны, абсолютно в этом некомпетентны. А ведь в том же Смольном встречались тогда и другие люди. Вот была там, скажем, Галина Семеновна Пахомова, и хотя работала в партаппарате, но именно ее — убежден — на хвосте сейчас в наших «культурных» ведомствах. Потому что у Галины Семеновны хороший вкус, потому что все знает...

— Она сейчас в администрации Ленинградской области возглавляет комитет по культуре.

— А я бы хотел видеть ее не в области, а в городе... И бывшего секретаря горкома Татьяны Васильевны Захаровой нам сейчас, по той же причине, тоже очень не хватает. Где она? Исчезла лишь потому, что работала в Смольном? Нелепость. Человек определяется не тем, кем он был, а тем, кем он есть... Нашему многострадальному городу очень нужны сейчас умные, просвещенные профессионалы...

— Вот вы так любите этот город (даже в Москву, знаю, отказались переехать, когда приглашали), а ведь, между прочим, долгие годы были здесь, в определенном смысле, изгоями. За что же либеральные власти вас так не жаловали?

— Из-за «капустников». Мы же над ними издевались! И ведь началось это

еще от Питера (Штайна). И даже за границу дорога открыта...

— Когда вам впервые позволили выехать «за бугор»?

— Лишь в 1981-м, когда мне было уже пятьдесят три. Затем, спустя год, после Чехословакии, оказался в Монте-Карло. Ну а потом стал ездить довольно часто, и все это благодаря Центральному телевидению. Правда, свой первый международный приз, «Золотую нимфу» за «Записки сумасшедшего», заслужил еще в 1967-м, но отправиться за ним в Монте-Карло мне не позволили. Получил эту «нимфу» только через четырнадцать лет! Дальше были другие награды, в том числе и Золотой приз Каннского фестиваля...

— Знаете языки?

— По-немецки говорю, как по-русски. Теперь осваиваю английский. Успехи, налицо, во всяком случае, ныне на английском давал интервью и во Франции, и в Швейцарии, и в Аргентине. У меня замечательная учительница, Ирина Александровна, мы с ней разрабатывали собственную методику. Счастливого утра, когда иду заниматься английским...

— Утро у вас начинается обычно ведь очень рано.

— Да, я — «жаворонок», утром мне работает хорошо. Поэтому и моим студентам (я в Театральном веду актерский курс) приходится являться на занятия чуть свет. Ворчат, но терпят... А ночью работать не умею. Так что снимать фильмы-балеты было мне трудно, ведь, как оказалось, Катюша Максимова и особенно Марис Лиела прекрасно чувствуют себя именно в

ночном режиме. Что делать — перестраивал свой организм... — Жанр фильма-балета открыли вы? — Нет. Чарли Чаплин. Великий Чаплин заложил основу всего, что я сделал. Без моей маниакальной любви к Чаплину, без знания его фильмов ни за что бы не придумал «Галатею»... — Ну а между Чаплиным и вами кто, Робинзон? — Конечно: «Вестсайдская история», «Скрипка на крыше»... Моя же заслуга, наверное, в том, что сделал этот жанр невероятно демократичным. Знаете, на старости лет у меня появился «синдром Красной Шапочки»... — Что это за синдром? — Жила-была девочка. Мама послала ее к бабушке. Серый волк и девочка, и бабушка съели. Потом охотник вспорол волку брюхо, и оттуда Красная Шапочка и бабушка высочились... С моей точки зрения, любой фильм должен иметь примерно такой пересказ, должен быть ясен всем. Именно это пытался сделать и в «Старом танго», и в «Галатее», и в «Аноте»... К фильму-балету пришел сознательно: я устал от многословия. Мне кажется, что кино потеряло свою счастливую возможность — с помощью зрительного ряда раскрывать сюжет. Решил попробовать: хватит ли у меня фантазии все объяснить без помощи слов...

— Что ж, в кино вы оказались новатором. Ну а в других видах искусства, культуры — так же терпимы ко всему новому, «модному»?

— Совсем наоборот: к «модному» у меня идосинкрия. Вообще на эту тему со мной лучше не говорить, потому что когда начинает чесаться, доводиться. Я не могу слышать музыку Эдварда Денисова. Я не могу читать прозу Андрея Вознесенского. Я застыл где-то на «Мире искусства» и не могу видеть абстрактную живопись: по-моему, ею занимаются непрофессионалы. Я не могу читать стихи без размера — остановился на Борисе Леонидовиче Пастернаке и раннем, явно недооцененном Евтушенко. Если на телеэкране — рок-ансамбль, сразу выключаю. В музыке я остановился на Калькане, Дунаевском, Гаврилине и Свиридове. Я не могу видеть тогарины и ребусы нынешней режиссуры... Велик Феллини, но то, кто подражает Феллини, выглядит жалко. Больше всего ненавижу в искусстве подобное крикливо. Однако однажды, увы, сам оказался в этом грешнике: работая над фильмом «Незнайка», изменил над, попытка сделать «под Феллини». Мне стыдно за эту ленту, хотя она имела успех, даже международный... Подражательство «под великих» противно. Понимаете, написать «Мастера и Маргариту» имел право только Булгаков, потому что сделало это гениально. Но когда Булгакову начинают подражать какой-нибудь Орлов в «Алтыне Данилова» или все начинают писать в стиле «фантастического реализма»... «Фантастический реализм» изобрел один гений: нет, не Гоголь, а Гоголь. И между Гоголем и Булгаковым — вакуум... Да, есть такое особое направление в нашей литературе — направление «Носа», «Записок сумасшедшего», второй части «Сорокинской ярмарки», «Мастера и Маргариту», и подражать ему можно лишь при одном условии: если обладаешь такой же мерой таланта. И так повсюду — в литературе, живописи, музыке, режиссуре...

— Как вы умудряетесь забывать свой рабочий день столь плотно?

— Никогда не понимаю, почему мне это ставят в заслугу. А что еще делать? Пить? Я не пью, хотя очень люблю. В гости ходить? Не выношу. Не хожу также на собрания, совещания, семинары и прочие подобные мероприятия. В театры, конечно, выбираюсь. Вот к Додину на «Бесов» собираюсь, хотя и жутко длинный спектакль. Между прочим, очень хотел сыграть в его «Бесах». Позвонил: «Лева, дай мне сыграть Степана Трофимовича Верховского. Понадобится всего две репетиции». Он смеется: «А как же быть тогда с Колей Лавровым?». Увы, роль уже занята... До этого с подобной же

лавовой Нееловой мечтаю поставить «Святую Жанну» Бернарда Шоу, с Олегом Николаевичем Ефремовым — булгаковского «Дон-Кихота»...

— Что вы сейчас читаете?

— Пронзительный роман Владимира Максимова «Заглянуть в бездну». Правда, мне там не по душе то, что автор все время смекает Петра Первого с большевиками. Будучи активным противником большевиков, по отношению к Петру я все-таки остаюсь большим поклонником... Книги — моя страсть. Если за день не прочтешь ста страниц, выкидываю этот день из жизни...

— Есть ли поэтические строчки, которые особо зашли в душу?

— Есть. Гениальное стихотворение Киплинга «Эпопея», в переводе Лозинского:

Умей поставить в радостной надежде на карту все, что наполнил с трудом, Все проиграть и нищим стать, как прежде, И никогда не пожалеть о том.

Наполни миром каждое мгновение, Часов и дней неуловимый баг — Тогда весь мир ты примешь, как владенье, Тогда, мой сын, ты будешь человек...

— Куда в отпуск?

— Уже двадцать семь лет — только в одно место: в Щельное, что под Киношмой. Там, в бывшем имении Александра Николаевича Остревского, где теперь дом творчества СТД, — земной рай: леса, тишина... Надеваю резиновые сапоги и...

— А на юг, к черноморским пляжам?

— Ой, не надо!

— То, что происходит сегодня в нашей жизни, в России, тревожит душу, мешает творчеству?

— Живу верой. Солдаты в японских в убеждении, что Россия будет самой богатой и счастливой страной...

А ВОТ ЧТО О НАМ ГОВОРЯТ ЕГО ДРУЗЬЯ.

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

— Александр Аркадьевич — один из тех, от кого зависит наполнение театрально-художественной жизни нашего города. Сейчас петербургское телевидение презрительно в политический придаток нашей жизни, а когда-то, лет тридцать назад, Белинский с его театром других режиссеров создали тут лабораторию нового театра. И актеры, которые подчас в своих театрах не имели интересной работы, здесь, под режиссурой Белинского, обрели самих себя. Вот и мне он доверил роль огромного масштаба — Манюлю, Обломова... А такую особую атмосферу создавал Саша в студии... Помню, премьера «Обломова». Как и все тогда на ТВ, спектакль шел в прямой эфир. До начала оставалась минута. Волнение — не передать! И вдруг по динамикам на всю студию — голос Белинского: «Внимание! Нина Петровна Хрущева включила телевизор и зовёт «Никитка! Скорей сюда! Наш любимый Басилашвили опять на экране!» И от этого милого идиотизма на душе сразу стало как-то легко, весело — вот что такое Белинский...

Наталья ТЕНЯКОВА:

— Работает Белинский быстро, шумно, весело, и с ним безумно интересно. Своими бесчисленными идеями делится со всеми щедро — в Америке он давно уж был миллионером. Но Саша не уехал не только в Америку, он из Ленинграда не перебрался даже в Москву. Не изменил родному городу, который, к своей очереди, изменял ему много и сильно...

Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

— Он столько знает! Столько видел! Столько помнит! Однажды пришел в гости, а моя Варя как раз готовилась к экзамену по истории театра — так Александр Аркадьевич выдал ей, словно из рога изобилия, такую информацию, что за исход экзамена можно было уже не волноваться. Вот кто должен воспитывать студентов! Александр Аркадьевич и мне, в моей творческой жизни, тоже очень много подсказал, — например, одну из самых любимых моих ролей, Дульсиню Тобскому. Жаль, что вместе работали мы мало...

Валерий ГАВРИЛИН:

— Кроме всего, Александр Белинский — надежнейший друг, и если случилась беда, он на помощь спешит самым первым. Как-то лежал я в больнице. Вдруг появляется Белинский: «Валерий, будешь писать «Женитьбу Балзасиновой»? До этого я уже умирал. Однако от Белинского исходила такая удивительная энергия, что за месяц я написал четверть с лишним страниц партитуры! Вот какие флюиды Александр Аркадьевич способен излучать... Наверное, если его поместить в пустыню, то и там сразу появятся театр, кино, балеты, даже ракеты полетят...

В ОДНОМ из его очерков я прочел: «Что-нибудь спроси: «Для чего вы потратили время? Для некоей посмертной славы? Разберемся с вопросом посмертной славы. Читая из Габриэля Мариса. Автор удивительного романа «Сто лет одиночества»: «Слава — скандалная лошадь. То ли она тебя похвалит и сделает модным, то ли ты ее обуздаешь. Если она тебя делает модным, а она делала модным многих, тогда твое дело плохо. Став модным, ты неизбежно рано или поздно должен будешь из моды выйти...». Значит, думать о славе, когда едешь в ярмарку, можно только о посмертной. Большие люди так и делали всю жизнь. Они мечтали только о славе посмертной, не заботясь о сегодняшней...»

К счастью, свою негрокую, но заслуженную славу Александр Аркадьевич успел обрести при жизни...

ДА, ЗВАНИЯ и награды пришли к нему поздно: заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственной премии России... Добавили ли сии «регалии» что-то к его портрету? Ровным счетом ничего. Потому что у него есть и м.я., которое не спутать ни с чьим другим. Потому что каждое мгновение своей бурной жизни он удивительно умеет наполнить с м.я. с л. о. м. ...

С гостем встречался Лев СИДОРОВСКИЙ

Фото автора

(подумать только!) в декабре 1950-го, в самый разгар «ленинградского дела», когда на смольнинском троне сидел Андреев, ставленник Маленкова и Барины, когда одни жертвы были уже казнены, а другие томились в тюрьмах, в лагерях... «Капустники» — это были мои, как говорил мне Райкин, «звездные часы». Правда, обком быстро потребовал, чтобы невиско берега покинули. Что ж, уехал на Север, потом — в Ливну. Много там работал. А через два года вернулся — и наши актерские «капустники» загремели с новой силой. Ах, какая была команда! «Первая сборная города»: Валентина Ковель, Сергей Юрский, Николай Трофимов, Николай Боярский, Владимир Татосов, Владимир Дорошев, Лидия Штыкан, Павел Панков, Рэм Лебедев, Юрий Алтеман... А какие авторы нам писали: Поляков, Ласкин, Хазин, Эрмани... Еще находились под запретом знаменитые романы Ильфа и Петрова, а у нас некое «номинклатурное лицо», облаченное в характерный «обкомский» костюм, под погулянную мелодию из «Волги-Волги» жаловалось Остпу Бендеру: «Я дурак обыкновенный, просто я — большой дурак. Я встречаюсь непременно тут и там, и так, и с.к. Но вчера прочел в газете: «Ничего нету дураков». Что же делать мне, ответить, если я как раз таков?»

— Не вызывали в Смольный?

— Однажды вызвали, но совсем по другому поводу... В 1957-м меня пригласили поставить концерт, который должен был состояться после торжественного заседания, посвященного 40-й годовщине Октября. Программа получилась «масштабная», только хороша — несколько. А продолжительность концерта строго определена. Как-то так это выстроили, и вдруг — распоряжение: «Включить в концерт «Испанский танец» из «Давидового озера!» Почему? Зачем? Все уже смонтировано, вверено. Вызываю в Смольный, к самому Козлову, первому секретарю. Пытаюсь объяснить: «Фрол Романович, концерт построен так, что «Испанский танец» никак не втиснется, но тщательно заготовленный «первый» произвольно глянул мне прямо в глаза: «Товарищ Белинский, партия хочет видеть Заботкину». И вопрос был решен...

— В подобной ситуации спасет только чувство юмора. Наверное, оно и сейчас помогает вам выжить?

— Ну сейчас-то я облакан, сейчас-то я — наркисат. Телефон не умолкает. (Вы слышали: только что был заво-